

Тарасова Вероника Сергеевна, студент-магистрант,
Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ
FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LAW
PROTECTION OF CREDITORS' RIGHTS IN BANKRUPTCY**

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта уголовно-правовой защиты прав кредиторов при банкротстве на примере законодательства Германии, Франции, Швейцарии и США, в том числе в сравнении с российским законодательством. Выявляются общие тенденции и национальные особенности.

Abstract. This article is a comparative legal study of the foreign experience of criminal protection of creditors' rights in bankruptcy using the example of the legislation of Germany, France, Switzerland and the USA, including in comparison with Russian legislation. The general trends and national peculiarities are revealed.

Ключевые слова: Криминальное банкротство, институт несостоятельности, права кредиторов, зарубежное уголовное законодательство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство.

Keywords: Criminal bankruptcy, institute of insolvency, creditors' rights, foreign criminal law, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy.

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступления, связанные с банкротством, присутствуют в законодательстве как государств с исторически развитой рыночной экономикой, таких как Германия, Франция, Нидерланды, Италия и США, так и стран, вставших на путь рыночных преобразований лишь в конце XX века, к которым относятся государства Восточной Европы, Прибалтики и СНГ. Для последних становление и развитие института несостоятельности стало новым явлением, во многом заимствованным из опыта «старой» Европы. Между тем усложнение экономических отношений, глобализационные процессы, а также появление новых форм противоправного поведения хозяйствующих субъектов привели к тому, что в 1970-90-е годы в большинстве европейских стран были проведены масштабные реформы в области нормативного регулирования несостоятельности.

На наш взгляд, достаточно эффективная и продуманная система уголовно-правовой охраны отношений в сфере экономической несостоятельности закреплена в законодательстве Федеративной Республики Германия. Так, Уголовный кодекс ФРГ содержит специальный раздел 24 «Преступные деяния, связанные с банкротством», который включает в себя пять статей (§ 283-283d). Само по себе выделение отдельного раздела для норм, регламентирующих криминальное банкротство, несомненно, подчеркивает высокую значимость, которую немецкий законодатель придает уголовно-правовой защите сферы несостоятельности в рамках общего регулирования экономической деятельности. Базовой нормой, выполняющей функцию основного состава в группе криминальных банкротств, выступает § 283 УК ФРГ, закрепляющий основные формы преступного поведения несостоятельного должника. При этом германское законодательство в данной части обнаруживает сходство с российским, используя аналогичную терминологию: сокрытие, утаивание, повреждение имущества и документации должника. Указанные действия виновное лицо совершает в условиях сверхзадолженности, грозящей либо наступившей неплатежеспособности [3].

Диспозиция нормы является бланкетной и отличается значительной объемностью, что сближает ее со ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [1], а ч. 2 § 283 УК ФРГ содержит, по сути, самостоятельный состав преступления, аналогичный деянию, закрепленному в ст. 196 УК РФ, когда лицо своими действиями создает собственную сверхзадолженность или неплатежеспособность.

Существенным отличием германской системы является установление ответственности за неосторожное поведение, что регламентировано в ч. 4 и 5 § 283 УК ФРГ. При этом немецкий законодатель дифференцирует формы неосторожности, разграничивая, например, простую и грубую неосторожность, что соответствует отечественным категориям небрежности и легкомыслия. Подобный подход позволяет более гибко подходить к квалификации деяний в зависимости от степени вины лица, что представляется положительным опытом, заслуживающим внимания российского законодателя, который полностью исключает ответственность за неосторожное банкротство.

В § 283а УК ФРГ, в понимании отечественной уголовно-правовой доктрины, отражен квалифицированный состав. В качестве квалифицирующих признаков названы ситуации, когда субъект действует из корыстных побуждений либо осознанно создает для многих лиц опасность утраты вверенных ему имущественных ценностей или доводит этих лиц до бедственного материального положения. Второй квалифицирующий признак характеризуется наступлением определенных последствий, при этом закон не раскрывает их конкретные размеры, и правоприменительная практика исходит прежде всего из имущественного положения потерпевших [5]. Такой оценочный подход, с одной стороны, предоставляет суду широкие дискреционные полномочия, а с другой, требует высокой правовой культуры для его адекватной реализации.

Обращаясь к опыту Франции, следует отметить, что Уголовный кодекс 1992 года в Отделе III «Об искусственном создании неплатежеспособности» содержит статью 314-7, предусматривающую ответственность за организацию фиктивной неплатежеспособности. Согласно ч. 1 данной статьи уголовному преследованию подлежат действия должника, даже до вынесения судебного постановления о его задолженности, по организации или увеличению своей неплатежеспособности, осуществляемые путем увеличения обязательств, уменьшения активов, сокрытия доходов или имущества с целью уклониться от исполнения судебного решения [4]. Объективная сторона анализируемого состава преступления сформулирована достаточно своеобразно и в определенной степени схожа с признаками преднамеренного банкротства, предусмотренными ст. 196 УК РФ. Однако, как справедливо отмечается А. Н. Лемяговым, признаки преднамеренного банкротства во французской норме урезаны и сохранены лишь в части увеличения уже существующей неплатежеспособности [6]. Полагаем, что в этой части содержание отечественного уголовного закона является более совершенным.

Положительной чертой французского подхода к регулированию криминального банкротства является расширенная регламентация субъекта преступления. Так, в соответствии со ст. 314-7 УК Франции преступление может совершить не только формальный, но и фактический руководитель юридического лица. Прямое указание в диспозиции нормы на фактического руководителя делает уголовно-правовой запрет более гибким, обоснованным и адекватным потребностям правоприменительной практики, которая часто сталкивается с противоправной деятельностью, осуществляемой через подставных лиц. В российском праве подобные пробелы нередко восполняются разъяснениями высших судебных инстанций, как, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [2].

Своеобразием в регламентации преступлений в сфере банкротства отличается Уголовный кодекс Швейцарии 1937 года. Все соответствующие статьи размещены в гл. 2 «Преступления или проступки, связанные с конкурсным производством и взысканием долга» раздела 2 «Преступные деяния против имущества». Такое расположение указывает на приоритеты швейцарского законодателя в определении родового объекта банкротских преступлений, который видится ему прежде всего в отношениях собственности, а не в сфере экономической деятельности как таковой [10]. Швейцарский уголовный закон детально описывает преступления в сфере конкурсного производства в восьми статьях (163-170), четко дифференцируя ответственность в зависимости от формы вины. Так, в ст. 165 «Бесхозность» закреплены составы, характеризующиеся как легкомыслием, так и небрежностью.

Особый интерес представляет ч. 2 ст. 165 УК Швейцарии, содержащая два процессуальных по своей природе положения. Первое определяет, что должник, на имущество которого наложен арест, преследуется только по жалобе кредитора, причем в течение трех месяцев. Второе положение устанавливает, что кредитор, который склоняет должника к легкомысленной растрате, несоразмерным затратам, рискованной спекуляции или эксплуатирует его как ростовщик, лишается права на подачу такого иска. По сути, указанное предписание является специфической формой освобождения от уголовной ответственности, основанием для которого служит противоправное поведение самого потерпевшего-кредитора. В Российской Федерации противоправное поведение потерпевшего закреплено лишь как смягчающее обстоятельство (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Учитывая исторически долгую и успешную практику регулирования института несостоятельности в Швейцарии, можно предположить, что подобная норма, стимулирующая добросовестное поведение кредитора, имеет важное превентивное значение [7].

Что касается уголовно-правового регулирования банкротства в США, то на федеральном уровне уголовная ответственность за криминальные банкротства закреплена в гл. 9 разд. 18 Свода законов США, включающей ст. 152-157. Примечательно, что назначение наказания по этим статьям относится к исключительной компетенции специализированных федеральных судов по банкротству, что подчеркивает важность единообразного подхода к таким делам на всей территории страны. Ключевыми нормами являются ст. 152 «Соккрытие активов, ложные показания и заявления, взяточничество», ст. 153 «Растрата или присвоение имущества, совершенное с использованием служебного положения» и ст. 157 «Мошенничество при банкротстве», предусматривающие наиболее строгие наказания – штраф или лишение свободы на срок до 5 лет [8].

Анализ диспозиции ст. 152 Свода законов США позволяет сделать вывод, что уголовно наказуемыми признаются любые умышленные и обманные действия, наносящие или способные нанести ущерб кредитору, совершаемые на всех этапах процедуры банкротства, включая период после подачи заявления.

Некоторыми специалистами, такими как В. А. Шестак и М. Ю. Михалева, выделяется такая особенность ст. 152 Свода законов США, как запрет коммерческого взяточничества – получения или предложения имущественной выгоды за нарушение процедуры банкротства. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что закон использует термины «вознаграждение» и «компенсация», а не классические понятия «взятка» или «подкуп», и санкция за это деяние является относительно мягкой, что позволяет усомниться в его коррупционной природе в строгом смысле слова [9].

Таким образом, анализ зарубежного опыта позволяет выделить ключевые направления для совершенствования отечественной уголовно-правовой охраны прав кредиторов. Наиболее релевантным представляется подход Германии, где детализированные составы, включая

ответственность за неосторожное банкротство, и санкции в виде кумулятивных штрафов создают эффективный механизм противодействия. Ценен и опыт Франции, предусматривающей ответственность фактических руководителей и такие превентивные меры, как конфискация и афиширование приговора. Оригинальное швейцарское решение, лишаящее недобросовестного кредитора права на жалобу, указывает на необходимость стимулирования добросовестного поведения всех участников института банкротства. Специфика американского регулирования института банкротства заключается в наличии специализированной юрисдикции для рассмотрения таких дел федеральными судами по банкротству, обеспечивающими единые подходы к квалификации противоправных деяний в сфере банкротства (несостоятельности) на территории всей страны.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.
2. Российская Федерация. Судебная практика. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.
3. German Criminal Code // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection. Federal Office of Justice. – URL : https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения : 08.11.2025). – Текст : электронный.
4. Уголовный кодекс Франции от 06.12.2019 // Россия : Библиотека Пашкова. – URL : <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения : 08.11.2025). – Текст : непосредственный.
5. Грибов, А. С., Иванчин, А. В. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений / А. С. Грибов, А. В. Иванчин // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 63-68. – Текст : непосредственный.
6. Лемягов, А. Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран / А. Н. Лемягов // Российский следователь. – 2006. – № 6. – С. 56-59. – Текст : непосредственный.
7. Русяев, И. Н. Криминальное банкротство в зарубежных странах : регулирование и ответственность / И. Н. Русяев // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 10-1. – С. 305-320. – Текст : непосредственный.
8. Русяев, И. Н. Противодействие криминальному банкротству : опыт США / И. Н. Русяев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – № 3 (108). – С. 110-117. – Текст : непосредственный.
9. Шестак, В. А. Ответственность за нарушения в сфере банкротства: опыт США / В. А. Шестак, М. Ю. Михалева // Мировой судья. – 2020. – № 10. – С. 25-29. – Текст : непосредственный.
10. Ulbrecht, A. Verbrechen gegen Eigentum im Strafrecht der Schweiz : moderner Zustand und neue Ansätze. – Zürich : Wissenschaftshaus, 2010. – 324 p. – Текст : непосредственный.

